

Николай Семёнович Берсенеv (1893-?) – забытый орнитолог и энтомолог, методист и педагог

Е.Э.Шергалин

Евгений Эдуардович Шергалин. Мензбирvское орнитологическое общество. E-mail: zoolit@mail.ru

Поступила в редакцию 23 декабря 2017

В 2011 году петербургское издательство «Коло» выпустило объёмистый двухтомник «На жизненном пути» выдающегося отечественного методиста преподавания естествознания, педагога, биолога, историка биологии, профессора, доктора биологических наук Бориса Евгеньевича Райкова (1880-1966). На более чем 1514 страницах Борис Евгеньевич рассказал о формировании уникальной ленинградской методической школы преподавания естествознания, о своих учениках, коллегах, друзьях и врагах. Одним из его верных учеников и ближайших коллег в те годы был Николай Семёнович Берсенеv. Благодаря подробному изложению материала Борисом Евгеньевичем мы теперь можем восстановить биографию Николая Семёновича – интересного и очень скромного человека с трудной судьбой, всю жизнь обожавшего птиц и детей.

Николай Семёнович Берсенеv родился в июле 1893 года в городке Череповце Новгородской губернии, в зажиточной купеческой семье. После окончания школы он поступил в Петербургский педагогический институт. Студенческие годы Николая пришлись на годы Первой Мировой войны, двух революций и последовавшей Гражданской войны. Своим старанием и прилежанием Николай обратил на себя внимание Бориса Евгеньевича Райкова, преподававшего в этом институте.

Николай был среди тех, кто в тот период объединялся вокруг кафедры, следовал её задачам и направлениям деятельности. На биостанции вместе с Райковым в те годы работали: Н.С.Берсенеv, Н.Д.Владимирский, С.В.Герд, М.А.Сосипатрова и др. У Николая Берсенева была сестра, ставшая позже почтенной учительницей Ленинграда. В числе первых учеников Райкова был также врач и педагог А.И.Лобус, женившийся впоследствии на сестре Н.С.Берсенева. Райков пригласил Берсенева в качестве преподавателя и руководителя школьной практики студентов на кафедру методики естествознания Педагогического института имени А.И.Герцена, которой он заведовал в 1921-1930 годах. Живой уголок в этом институте вскоре также оказался на попечении Н.С.Берсенева и С.В.Герда.

Предоставим слово Борису Евгеньевичу Райкову.

«Николай Семёнович Берсенеv был моим учеником по Психоневрологическому институту и после основания кафедры методики естество-

вознания в Институте имени Герцена был привлечён мною в состав преподавателей кафедры. На его обязанности лежало устройство жилого уголка при кафедре – дело, хорошо ему знакомое по его опыту работы на Биостанции. Он справился с этим делом отлично, и скоро кафедра обзавелась довольно обширным помещением для животных (аквариумные рыбы, птицы и мелкие млекопитающие), которые использовались студентами при дачи ими пробных уроков в тех школах, где живых уголков не было, а также служили материалом для наблюдений студентов при знакомстве их с методикой и техникой таких школьных наблюдений.

Группа курсантов экскурсионной Биостанции в Детском Селе (Пушкине) в 1923 году за работой после экскурсии. Слева направо: (неустан. лицо), О.А.Баратова, Л.И.Крамп, З.Н.Толстая. Справа руководитель Н.С.Берснев. СПФ АРАН. Ф. 893. Оп.2. Д.5. Л. 100а. Все фотографии из двухтомника Райкова «На жизненном пути» (Райков 2011).

Н.С.Берснев принадлежал к числу тех необыкновенно скромных и тихих людей, которые делают своё дело без шума, не выставляясь вперёд, но всегда добросовестно, а главное – с большой любовью. В его ведении был, как сказано, отдел птиц. Он не только интересовался пернатыми, но любил их, жил их благополучием. Ему не надо было давать никаких поручений, инструкций и т.д. Он сам придумывал способы умножения и улучшения своего хлопотливого хозяйства, в таком же духе воспитывал и своих помощниц. При таких условиях этот отдел Биостанции достиг действительно небывалого расцвета, которым были удивлены и даже восхищены орнитологи-специалисты, посещавшие Биостанцию.

Сотрудники Педагогической биостанции в Детском Селе летом 1926 года
Слева направо: Н.С.Берсенеv, Г.Н.Боч, Н.Д.Владимирский.
СПФ АРАН. Ф. 893. Оп.2. Д.25. Л.85.

Берсенеv всегда сам руководил экскурсиями по птичьему отделу. Он был немногословен и вовсе не красноречив. Но в его словах чувствовалась такая любовь к птицам и такая забота о них, что и взрослые посетители невольно заражались этим настроением, а о детях и говорить нечего. Берсенеv и в жизни был таким же тихим и скромным человеком. В большом обществе он конфузился и держался в уголке, в разговоре покашливал и постоянно употреблял одно и то же выражение – «понимаете»:

– Я пошёл, понимаете, в лавку, чтобы купить, понимаете, овса для голубей, а продавец, понимаете (с возмущением), и говорит, что овса нет и не будет...

Курсанты и руководители Ленинградской педагогической биостанции в Детском Селе. 1926 год. Сидят (слева направо): Г.В.Артоболевский, Н.Д.Владимирский, Н.С.Берсенев, проф. В.А.Комаров, Н.В.Старк, Б.Е.Райков. СПФ АРАН. Ф. 893. Оп.2. Д.5. Л.101а.

Руководители и сотрудники Ленинградской центральной педагогической биостанции (Демидов переулоч, д. 1) в 1927 году. Слева направо: сидят С.В.Герд, М.А.Сосипатрова, Б.Е.Райков (зав.), Н.С.Берсенев, Н.Д.Владимирский. Стоят: Ф.Л.Запрягаев, О.М.Плаксина, М.Л.Запрягаев, А.П.Корнева, уборщица Катя. СПФ АРАН. Ф. 893. Оп.2. Д.5. Л.111а.

Берсенев был женат на очень живой и бойкой женщине (обычное сочетание!), у него был в то время маленький сынишка, который впоследствии стал инженером по какой-то военной специальности. Он происходил из зажиточной купеческой семьи. Отец его был крупным меховщиком, раскулаченным во время революции. Берсенев-отец сам заготавливал на севере пушнину, сам же выделывал её и торговал мехами в Петербурге, в Гостином дворе. Потом все это ушло, и семья бедствовала, пока сын не вышел на дорогу» (Райков 2011. Том 1. С. 636)

«Моим помощником по работе на экскурсионной станции и, могу сказать, моей правой рукой во всех её хозяйственных и учебных делах был мой ученик по Психоневрологическому институту Николай Семёнович Берсенев, большой любитель природы, отличный экскурсионист-орнитолог, из которого выработался хороший руководитель практических занятий курсантов по зоологии. Он принимал вместе со мной деятельное участие в устройстве музея станции. Музей этот, по нашему замыслу, должен был служить дополнением к тому материалу, который курсанты встречали на экскурсии. Зоологический отдел имел много аквариумов с живым населением окрестных прудов. Кроме того, были изготовлены большие стенные таблицы, на которых художница Регина Васильевна Великанова прекрасно изобразила в красках наиболее обыкновенные формы пресноводных животных. Эта молодая, очень способная девушка жила на станции в качестве лаборанта, Кроме того, была устроена дендрологическая коллекция: по стенам были расставлены обрубки деревьев высотой в человеческий рост, диаметром в 20-30 см, а над каждым таким стволом висела акварельная картинка, изображающая внешний вид данного дерева. Таких древесных пород мы заготовили более 30 видов: они заняли стены целого зала. Всё это были плоды нашего личного труда. Мы с Берсением сами пилили эти стволы в лесу в зимнее время и вывозили их на станцию на саночках. Более редкие породы деревьев мы получили разрешение спилить в Павловском и Царскосельском парках по соглашению с дворцовым управлением. Сердце обливается кровью, как вспомнишь, что впоследствии эта дендрологическая коллекция пошла на дрова...» (Райков 2011. Том 1. С. 679).

«Гордостью Биостанции был птичий отдел, главным устройтелем которого был Н.С.Берсенев. Этот отдел занимал несколько комнат, расположенных в виде анфилады, причём там содержалось около 70 видов наших птиц, то есть почти всё птичье население, которое можно встретить в северной и средней России во время экскурсий. Здесь были не только всем известные зерноядные птицы, которые обычно живут в клетках, вроде чижа, щегла, овсянки и т.д., но и мелкие насекомоядные птички, которых в неволе не содержат ввиду трудности ухода за ними: зарянка, мухоловка-пеструшка, жаворонки, различные пеноч-

ки, камышевки и проч. Были представлены все виды наших синиц, в том числе хохлатая синица и длиннохвостая синица, или ополовничек, которая обычно в неволе не выживает. Вся трудность содержания насекомыхных птичек в неволе заключается в кормах. В природе они питаются насекомыми, чем же их кормить в клетках зимой?

Здесь мне пришлось познакомиться с тайнами «птичьей кухни», о существовании которой я не подозревал. Оказывается, что такие корма представляют свежеприготовленные смеси различных веществ, которые надо было заготавливать заранее с лета. Например, один из вариантов такого корма состоит из тёртой моркови с примесью толчёных сухарей, тёртого варёного бычьего сердца, муравьиных яиц и свежесажённого из молока творога при помощи *Calcium lacticum* (лат. – кальция лактат, кальций молочнокислый). Такой корм можно сохранять не более полусуток, так как на следующий день он уже портится и надо заготавливать новый. Муравьиные яйца надо было заказывать особым поставщикам из крестьян, которые в старое время занимались этим редким промыслом. Мы отыскивали этих «специалистов» и покупали яйца мешками по дорогой цене, примерно втрое дороже сушёных белых грибов, причём я научился распознавать – по цвету, запаху и вкусу – доброкачественный продукт от низкосортного. Для изготовления птичьих кормов была поставлена отдельная техническая служащая Катя, которая специально была обучена этому делу. Эта Катя (Екатерина Петровна Запрягаева) недавно (в 1958 году) посетила меня. Теперь она уже пожилая женщина, живёт в Ботаническом саду в Сталинабаде Таджикской ССР.

Оказалось, что птичьи клетки – это опять целая наука. Металлические и деревянные продажные клетки никуда не годятся – в них птицадохнет. Размер клеток и их устройство должны быть согласованы с каждым видом птицы: различают клетки чижовые, дроздовые, скворцовые, жаворонковые и т.д. Например, жаворонок требует продолговатой клетки без жёрдочек, так как он любит бегать, но обязательно с матерчатым мягким верхом, иначе птица убьётся, потому что подпрыгивает к потолку. Клетка не должны быть слишком мала. Тогда птице будет тесно, и не велика, иначе птица будет утомляться и т.д., и т.д.

На помощь я призвал старых птичников-любителей и клеточников (была в прежнее время такая специальность). Любопытно было видеть, какие старики выползали из разных углов. Они приходили на Биостанцию, восторженно глядели на редких птиц, которых уже давно не видели, и подавали разные не писанные, но очень полезные советы – своего рода секреты производства. Составилась целая комиссия любителей-добровольцев под председательством старого птичника Соколова, которая помогла вести это дело.

Интересны были мастера-клеточники, которые уже лет двадцать

не занимались этим промыслом. Я уговаривал их тряхнуть стариной и заказывал им клетки, которые они называли «правильными». Они делали их медленно, как бы священнодействуя. Оказывается, что «правильная» клетка требует разных пород дерева, например, цоколь обязательно должен делаться из выдержанной ольхи, жёрдочки – из липы, решётка – из бука и т.д. Клетка не должна иметь ни единого гвоздя и вообще металлических частей, а также, например, проволочных прутьев, а только деревянные. Нельзя также применять при собирании клеток клей, а только деревянные шпильки, потому что клетка должна часто подвергаться дезинфекции с обливанием кипятком, иначе в ней непременно заведётся «нечисть», то есть микроскопические клещики, которые прячутся днём в щелях, а ночью пугают птицу, взбираясь на неё по ногам. Клетка на металлических гвоздях от такой операции заржавеет, а клеёная распадётся. На Биостанции каждую субботу устраивалась баня для клеток: птицы отсаживались во временные клетки, а постоянные ставились в большие баки и заливались сверху кипятком, а потом в течение суток просушивались.

Было и много других тонкостей, которые приходилось узнавать, а затем применять. Зато самые нежные птицы жили у нас годами, весело щебетали и распевали и удивляли посетителей, среди которых были даже зоологи, никогда не видавшие близко некоторых наших насекомоядных пташек...» (Райков 2011. Том 1. С. 684).

«Молодая часть нашей кафедры (Н.Д.Владимирский, Н.С.Берснев, Г.В.Артоболовский, С.В.Герд, О.А.Баратова) двигались вперёд, росли, стали уже выступать с самостоятельными статьями и докладами, приобретали педагогическое имя. Таким образом, нам удалось создать ленинградскую методическую школу, проникнутую традициями Александра Яковлевича Герда и Валериана Викторовича Половцева» (Райков 2011. Том 1. с. 637).

К огромному сожалению, эта школа вступила в противоборство с московской методической школой преподавания естествознания, которая находилась на тот момент под более сильным идеологическим прессом и надзором, чем ленинградская.

Райков далее пишет: «Но невероятное свершилось. В мае 1930 года я и ряд моих сотрудников по биостанции, Обществу распространения естественно-исторического образования (ОРЕО) и Педагогическому институту Герцена, всего 11 человек, были арестованы и посажены в Дом предварительного заключения по обвинению в антисоветской пропаганде по 58 статье Уголовного кодекса. Я был арестован на моей квартире (Колокольная ул., д. 5) в ночь с 30 на 31 мая. Следствие тянулось 9 месяцев. В течение этого времени мы сидели в тюрьме, некоторые – в одиночных камерах, другие – в общих камерах. Приговор был объявлен в феврале 1931 года. Заключённые были разосланы на разные сроки в

концлагеря ГПУ или направлены в административную высылку. Привожу список пострадавших с указанием наложенных на них взысканий:

Берсенев Николай Семёнович, преподаватель Педагогического института им. Герцена, научный сотрудник Биостанции, член Совета ОРЕО. Получил три года ссылки в Нарымский край» (Райков 2011. Том 1. С. 777-778).

Николай Семёнович на момент ареста 30 июня 1930 года проживал в городе Ленинграде по адресу: улица Коломенская, дом 13, квартира 27. Приговор ему был вынесен Коллегией ОГПУ лишь спустя почти 8 месяцев, 18 февраля 1931 года. Властям «важно было ликвидировать не только Райкова, но и его молодых учеников и помощников, которые работали в основанных им учреждениях, так как это вело к разрушению этих учреждений. Этим объясняется, например, арест Артоболевского и Берсенева, которые не принимали участия в борьбе ленинградских и московских течений, но они играли важную роль в работе Биостанции» (Райков 2011. Том 1. С. 779).

Итогом этих репрессий стало прекращение издания обоих методических журналов, редактируемых Б.Е.Райковым: «Естествознание в школе» с начала 1930 года и «Живая природа» с мая 1930 года. Именно в «Живой природе» в 1925-1928 годах Николай Семёнович опубликовал три свои статьи о птицах: «Наблюдения над воробьями на улицах Ленинграда» в 1925 году, «Экскурсии по птицам в городской черте» в 1926 году и «О кормлении певчих птиц в неволе» в 1928 году.

Спустя 30 лет после репрессирования в 1930 году уцелевшие сотрудники Б.Е.Райкова собрались у него в Ленинграде зимою 1960 года. Слева направо: Б.Е.Райков, Н.С.Берсенев, А.И.Крамп и М.А.Сосипатрова. СФ АРАН. Ф. 893. Оп.2. Д.5. Л.263а.

В марте 1962 года в Ленинграде по просьбе Б.Е.Райкова Николай Семёнович написал очерк «Из моих воспоминаний (1930-1961)», который вошёл в двухтомник Б.Е.Райкова «На жизненном пути» (Райков 2011. Том 2. С. 519-530).

Ниже мы приводим несколько выдержек из его воспоминаний, из которых видно, как даже находясь в ссылке, Николай Семёнович продолжал заниматься орнитологией и сразу после освобождения неоднократно пытался устроиться на работу, связанную с птицами. Вот что он пишет о своём пребывании в Нарымском крае.

«С тёплым чувством я вспоминаю семью Дормидонта Павловича Старикова, состоящую из 10 человек. И особенно самого хозяина – мягкого, отзывчивого и доброй души человека. Прекрасный охотник и рыболов, он познакомил меня с орудиями промысла зверей, птицы и рыбы. От него я узнал о нравах промысловых зверей и птиц, а также он доставлял мне убитых птиц для определения и коллектирования» (Там же, с. 525).

«В конце августа дочь Л.Н.Никонова уехала домой, а через месяц уехала домой и моя жена [Ольга Николаевна], которой мы дали поручения зайти к проф. Крылову попросить его выслать его «Флору Западной Сибири» для Л.Н.Никонова, и зайти к проф. Рузскому с просьбой написать мне, что имеется по орнитологии Нарымского края и, если можно, то выслать некоторые книги. Благодаря их любезности мы получили от них всё, о чём мы их просили, что дало нам возможность работать в зимнее время наш материал» (Там же, с. 528).

«Осенью 1933 года я получил документ об освобождении, который обменивается на паспорт, с правом проживать по всей территории СССР. С последним пароходом я выехал в Томск, а оттуда по железной дороге в Ленинград. По приезде в Ленинград мне паспорт не выдали, и жена опять поехала в ЦИК, где ей сказали, что по выданному документу я не имею права проживать в больших городах. Этот документ означает «минус тридцать один город». В Ленинграде я всё же подыскал для себя работу в Зоосаде, но спецчасть Зоосада потребовала паспорт и прописку. Паспортный стол мог выдать паспорт, если я буду принят на работу. Получался заколдованный круг. Тогда я пошёл в спецотдел Зоосада, попросив их позвонить в паспортный стол, а жена пошла в паспортный стол, попросив позвонить в спецотдел Зоосада. Таким образом, они договорились, мне был выдан паспорт, я был прописан и поступил на работу в зоосад, в массовый сектор, которым ведал зоолог Б.А.Гумилёвский, на должность старшего экскурсовода. Кроме того, я был председателем школьной комиссии.

Я занялся методической разработкой экскурсий по темам «птицы» и «млекопитающие». Мною с Б.А.Гумилёвским было задумано устройство выставки «Животные полезные и вредные в сельском хозяйстве»,

но она не была осуществлена. Кроме ведения экскурсий со школьниками и взрослыми в Зоосаде, я выезжал для чтения лекций на заводы. Проработав год в массовом секторе, я был назначен заведующим орнитологическим отделом при научной части, которым ведал профессор А.А.Гавриленко.

После убийства Кирова, когда началось массовое выселение из Ленинграда, меня вызвали в милицию и предложили мне выехать из Ленинграда на 101-й километр. Спецотдел Зоопарка предлагал мне остаться на работе и даже давал мне годовой билет на проезд, но прописаться нигде я не мог и принуждён был выехать в Новгород, где в то время жил мой дядя.

В Новгороде я поступил весовщиком на приёмочный пункт Заготзерно, но проработал там неделю. Мой знакомый предложил мне поехать с ним в Таганрог и устроиться на работу во Дворец пионеров на детской сельскохозяйственной станции, которой ведал педагог Н.И.Корнев. По приезду в Таганрог меня, как бывшего ссыльного, на постоянную работу в штат не приняли, и я при содействии Н.И.Корнева поступил на работу энтомологом на Городскую противомалырийную станцию. С тех пор я жил в Таганроге в течение 20 лет, приезжал в Ленинград только раз в год в отпуск, а жена с сыном приезжали в Таганрог в отпуск летом (Там же, с. 529).

Николай Семёнович Берсенеv в 1961 году. СПФ АРАН. Ф. 893. Оп.2. Д.25. Л.142.

В 1956 году моя жена вышла на пенсию, а я, проработав энтомологом в Таганроге полных 25 лет, сначала на Противомалырийной станции, позднее на Городской санитарно-эпидемиологической станции, вышел в ноябре 1960 года на пенсию. Мы продали принадлежащую

нам часть дома в Таганроге и в 1961 году вернулись, наконец, после 30-летнего отсутствия обратно в Ленинград. Мы поселились в окрестностях Ленинграда, в посёлке Мельничный Ручей, купив у местного жителя часть дома (Райков 2011. Том 2. С. 530).

Так злополучная ссылка разломала жизнь молодого и талантливого человека, потерявшего в изгнании младенца-дочь. Хоть судимость и была снята с него постановлением Особого Совещания МГБ СССР от 28 июня 1947, но полностью он был реабилитирован лишь посмертно 30 марта 1990 года.

Орнитологические публикации
Н.С.Берсенева

Берсенева Н. 1925. Наблюдения над воробьями на улицах Ленинграда // *Живая природа* 6: 85-86.

Берсенева Н.С. 1926. Экскурсии по птицам в городской черте // *Живая природа* 7: 200-209.

Берсенева Н.С. 1928. О кормлении певчих птиц в неволе // *Живая природа* 12: 358-367.

Литература

Райков Б.Е. 2011. *На жизненном пути: автобиографические очерки*. СПб., 1: 1-848, 2: 1-664.

<http://lists.memo.ru/d4/f237.htm>

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2018, Том 27, Экспресс-выпуск 1557: 263-267

**Динамика численности птиц в окрестностях
города Стренчи (Латвийская ССР)
в 1947-1961 годах**

К.А.Вилкс

Второе издание. Первая публикация в 1961*

Наблюдения проводились в лесистой низменной местности окрестностей города Стренчи (57°37'38" с.ш. 25°41'06" в.д.) на северо-востоке Латвии. В районе исследований смешанные леса расположены по берегам реки Гауя, в других местах преобладает сосновый бор. Большие площади леса и верхового болота к северу от города, на которых велась разработка торфа, при оценке динамики птиц в счёт не принимались. Основное изменение, происшедшее за эти годы в ландшафте, состояло в значительном уменьшении площадей старого леса.

---

* Вилкс К.А. 1961. Динамика численности птиц в окрестностях города Стренчи (Латвийская ССР) за последние 14 лет // *Экология и миграции птиц Прибалтики: Тр. 4-й Прибалт. орнитол. конф.* Рига, 323-325.